

Содержание

Введение (К.А. Соловьев)	9
Глава I. Понятие <i>res publica</i> в европейской политико-правовой мысли: от Древнего Рима до XVII в. (А.В. Марей)	19
Республика и государство: методологические замечания	19
Основа политического объединения	23
Идеальная политическая форма	46
Когда <i>respublica</i> — это государство	57
Жан Боден	59
Томас Гоббс	67
Глава II. Республиканская риторика в Древней Руси (П.В. Лукин)	76
Предварительные замечания	76
«Политический народ» и «вся воля новгородская»	80
Отчина великого князя, люди вольные	109
Республиканская риторика в Пскове	126
Нереспубликанские республики?	138
Заключение	150
Глава III. Республика без республиканизма: дискурсы <i>общего дела</i> в Московской Руси (К.Ю. Ерусалимский)	153
Глава IV. Развитие республиканизма в Западной Европе (XVII — начало XX в.): между идеей и реальностью (Н.В. Ростиславлева)	266
Глава V. Республиканская идея в России в век Просвещения (К.Д. Бугров, М.А. Киселев)	311
<i>Respublica</i> переводов и проповедей в первой четверти XVIII в.	311
<i>Монархия contra республика</i> : политическая рефлексия участников событий 1730 г.	331
Под знаком Монтескье: <i>республика, монархия</i> и гражданские добродетели во второй половине XVIII в.	356
Критика и апология древних <i>республик</i> : рождение российского республиканизма конца XVIII в.	373

Глава VI. Республиканизм в общественной мысли России первой половины XIX в. (М.Б. Велижев)	399
Определения и проблемы «республиканизма»: вопросы метода	399
«Республиканизм»: <i>pro et contra</i>	399
«Республиканизм»: базовое определение	407
История «республиканизма» в первой половине XIX в.: общий контур	409
Республиканизм и «большие» идеологии XIX столетия	412
Республиканизм и либерализм	412
Республиканизм и национализм	422
Республиканизм в России: три концепции	428
Республиканизм как политический язык	428
Республиканизм как политическая доктрина	440
Республиканизм как тип повседневного поведения	451
Сравнительная перспектива: Россия и Западная Европа	460
Французский республиканизм в первой половине XIX в.	460
Немецкий республиканизм в первой половине XIX в.	470
Итоги сравнения	478
Республиканский язык в николаевское царствование	481
Чаадаев, республиканская риторика и язык официального национализма	481
Республиканизм и власть в эпоху Николая I.	493
Глава VII. Империя и нация (А.И. Миллер)	506
Датировка заимствования, источники и механизмы	508
Нация как дворянская корпорация и тема прав второго сословия	511
Нация, конституция и представительные учреждения	514
От перевода к редактированию, вытеснению и цензуре	524
Постсевастопольская Россия. «Перезагрузка» понятия <i>народность</i> , возвращение <i>нации</i>	531
Начало XX в.	544
Глава VIII. Res publica в общественной мысли России (вторая половина XIX — начало XX в.) (К.А. Соловьев)	555
Республиканизм без республиканцев	555
Самодержавие и Герцен	560
Контргосударство славянофилов	565
Христианское государство Владимира Соловьева	583
В поисках нового государства	587
Парламентский антиреспубликанизм	591
Республиканская идея в 1917 г.	600

Глава IX. Республиканские мотивы в российской политической мысли. Случай 1905 г. (<i>С.С. Новосельский</i>)	615
Земский собор в России в 1905 г. и республиканская идея	616
Разрушить средостение: идея реформы Государственного совета в 1905 г.	625
Государственная дума как центр консолидации общества	634
Республиканские идеи и российская общественность в 1905 г.	649
Глава X. Советский и постсоветский республиканизм (<i>А.Н. Медушевский</i>)	659
Республика Советов: концепция и воплощение (1917–1922).	663
<i>Поиск теоретических основ республиканского строя</i>	663
<i>Республика Советов: альтернативные трактовки</i>	672
<i>Эксперимент Республики «рабочей демократии» и причины его крушения</i>	679
<i>Общие тенденции развития советской республиканской системы</i>	683
<i>Большевистская модель республиканизма: итоги становления</i>	686
Создание СССР: формы и содержание республиканского интеграционного проекта (1922–1936).	688
<i>Конструирование советского интеграционного проекта: конфедерализм, федерализм, унитаризм</i>	690
<i>Суверенитет: конфликт международного, национального и классового подходов</i>	696
<i>Гражданство и подданство: правовой статус, приобретение и утрата</i>	700
<i>Концепция бюджетного федерализма в конституционных проектах периода образования СССР</i>	705
<i>Смысл конструирования советского и российского федерализма</i>	708
<i>Структура и динамика федеративных отношений в СССР</i>	711
Светская теократия: республиканская форма сталинской диктатуры (1936–1950-е гг.)	715
<i>Конструирование мифа о «социалистическом обществе» и «советском государстве»</i>	716
<i>Модернизация политической системы СССР</i>	722
<i>Демократия и однопартийная диктатура</i>	726
<i>Консолидация режима единоличной власти</i>	730
<i>Террор как инструмент фиксации новой политической реальности</i>	735
<i>Образ советского государства как высшей формы народовластия: сталинские технологии политического пиара</i>	737
<i>Тенденции развития советской модели республиканизма</i>	741
Эволюция легитимирующей формулы советского республиканизма во второй половине XX в. (1960–1991)	742
<i>Идеология и программа политических реформ периода оттепели (1961–1964)</i>	744
<i>Конституция «развитого социализма» 1977 г. как символ правления номенклатуры</i>	749

<i>Юридическое определение идеократии: возникновение и историческое значение ст. 6</i>	752
<i>Перестройка: механизм развития кризиса советской системы</i>	755
<i>Федерализм и национальное самоопределение как факторы дезинтеграции СССР</i>	759
<i>Форма правления: переход от советской к президентской республике</i>	764
<i>Разрыв и преемственность легитимирующей формулы российской власти в XX в.</i>	768
Создание основ современной Российской республики:	
Конституция 1993 г. и эволюция постсоветской политической системы	769
<i>Конституционные принципы республиканского строя постсоветской России</i>	771
<i>Конфликт традиции и модернизации: завершение постсоветского конституционного цикла</i>	776
<i>Постсоветский общественный договор: от либеральной модели к реставрационной</i>	779
<i>Общество и государство: каналы обратных связей и их блокирование</i>	782
<i>Механизмы эрозии социального контракта: растущий разрыв общества и элиты</i>	786
<i>Внутренние и внешние факторы в трансформации идеологии республиканизма</i>	790
<i>Плебиситарный авторитаризм как способ разрешения конфликта общества и власти</i>	794
<i>Перспективы российской модели республиканского строя</i>	798
Сокращения	802
Сведения об авторах	803
Указатель имен	804

Введение

Что такое республика? Вопрос, казалось бы, не очень сложный. Республика — это противоположность монархии. Есть цари, императоры, короли — нет республики. Она предполагает сменяемость и избираемость власти. Этот простой ответ подготовлен политическим опытом XIX столетия. Тогда понятие «республика» обрело именно этот смысл. Другого, по сути дела, и нет. Так случилось, что в XIX в. сложился категориальный аппарат, которым политически активная часть человечества пользуется до сих пор. Возможно, старые слова плохо описывают новые реалии, но других пока не придумали.

Проблема в том, что понятие — это не только строгая дефиниция. Это в первую очередь набор ассоциаций, ожиданий и даже эмоций, которые с ним связаны. Понятие будит воображение, а значит, становится предпосылкой для политического действия. Это касается и термина «республика». К настоящему моменту оно девальвировано. Мало стоит слово, слишком часто упоминаемое. В мире остались преимущественно республики. При таких обстоятельствах трудно объяснить значение понятия. Даже в XIX — начале XX в. это было не так. Европа оставалась монархической. Республиканская традиция была на задворках. Ей предстояло доказывать свое право на существование, а значит, в том числе объяснить, что она собой представляет. Во Франции XIX в. она тесным образом была связана с идеей революции конца XVIII столетия или 1848 г. В отличие от монархистов, республиканцы смотрели в будущее, а не в прошлое, верили в прогресс и не боялись его. Они составляли складывавшийся политический класс, который

образовался поверх традиционных сословий¹. Иными словами, республиканцы — это не только идеологическое, но и социальное понятие. Это представители свободных профессий, профессиональные правоведаы, университетские профессора. Адвокаты и журналисты, а не аристократы с родословной. К последней четверти XIX столетия республиканцы во Франции победили, оттеснив старую аристократию в глубину политической сцены. В 1881 г. 41% депутатского корпуса составляли юристы. В период Третьей республики более половины всех министров — профессиональные правоведаы².

Монархия XIX в. апеллировала к традиции, республика — к проекту. Само слово заключало в себе веру в возможность политического, а значит, социального и правового конструирования. Монархия поддерживала огонь столетий, республика строилась на пустом месте. Она основывалась не на опыте, а на выстраданном идеале. Правда, у него были свои корни, свои предшественники.

Проблема, однако, в том, что само по себе противопоставление монархической и республиканской традиций уводит от коренной проблемы. Вплоть до XIX столетия разговор о республике значительно объемнее и сложнее, чем просто о форме правления. Речь шла о форме человеческого общежития, о модусах политической жизни. В этом смысле монархия и республика — понятия из разных категориальных рядов. Их столкновение случайно, хотя, конечно же, объяснимо.

Разговор о республике стал возможен благодаря многовековой работе юристов, сумевших найти абстрактные формулы действовавшим властным (разумеется, монархическим) институтам. Средневековая мысль так или иначе конструировала политическую общность. Это могли быть люди (*gens*) — объект истории, волей-неволей вписывающийся в порядок империи. Это мог быть субъект политических отношений — народ (*populus*), «сердцем» которого был

1. Зелдин Т. Франция, 1848–1945. Честолюбие, любовь и политика. Екатеринбург, 2004. С. 403.
2. Там же. С. 417.

король¹. Закон, законность, правовой порядок — результат усилий европейских университетов, которые многие годы обобщали и формулировали². По оценке известного российского государствоведа Ф.В. Тарановского, расцвет юридической мысли в университетских стенах пал на правление Людовика XI (1461–1483) во Франции. В XVI в. еще имели место последние отголоски университетских вольностей, которые сменились новой эпохой как будто бы безраздельного королевского доминирования. Университетская традиция притихла. Юридические факультеты застыли в своем развитии. В итоге к XVIII в. возникла уникальная ситуация — колоссальной пропасти, отделявшей университетскую догму от интеллектуальных веяний времени³. Рациональная философия плохо рифмовалась с юридическим стилем мышления. Это отбрасывало законников на периферию интеллектуального процесса. Не они определяли повестку эпохи, перед которой стояла задача переоснования всего государства.

Оно могло быть осуществлено по-разному. Мог быть заключен общественный договор или же создано Учредительное собрание, которое перепишет текущее законодательство. Предлагая столь смелые проекты, обращались к опыту далекого прошлого: греческого полиса или Римской республики. Казалось, что из «кубиков» Античности можно сложить новое политическое здание, заметно более светлое и удобное, чем современное. Эта мечта не выглядела утопичной. Был опыт прошлого, была своя теория и была гнетущая реальность — наложение многочисленных ошибок минувших столетий. При таких обстоятельствах республиканизм — живое политическое учение, правда, с весьма размытыми очертаниями. Опыт прошлого был

1. *Марей А.В.* Такое разное обаяние власти: российский контекст, христианская традиция и кастильский пример // *Polystoria. Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время.* М., 2021. С. 393.
2. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 2. М., 2005. С. 89–90.
3. *Тарановский Ф.В.* Догматика положительного государственного права во Франции при Старом порядке. Юрьев, 1911. С. 5–7.

разный, как будто бы реальный, но плохо известный, и теорий, соответственно, было много.

Сила республиканской традиции — не в словах, не в практике, а как раз в эмоциях. В XVIII в. был подведен своего рода итог эволюции монархических режимов. Они претендовали на то, чтобы служить «общему благу», написать тотальный регламент для всех, установить торжество закона. Они надеялись олицетворять государство, в сущности, принадлежащее прошлому, временам феодальных привилегий. Они в меру своих скромных сил осуществляли проект всеобщей рационализации, будучи сами по себе вполне традиционным институтом. Юристы, обслуживая интересы государства, играли в тайну, мистику государства¹. Они подменяли содержание символами, практики — ритуалами. Беспомощность власти компенсировалась шумом фанфар и блеском эполет. В известной мере эта линия была продолжена и в дальнейшем: «Бюрократическая алхимия, работавшая десять веков, действует и сегодня, она воплощена в республиканской гвардии и в красном ковре, в словах..., в готовых формулах...»²

Монархия не желала отступить. Она искала свою формулу квадратуры круга. Монарх стремился доказать свое бессмертие, не имея для того основания. Ставился вопрос об обезличивании власти короля, которого в силу житейских обстоятельств нельзя лишить привычек, настроений и характера. И все же для квалифицированных правоведов монарх — это не просто человек и даже не человек вовсе. Это краеугольный камень порядка, неотъемлемая часть системы. Однако такое утверждение не всегда звучало убедительно.

Мнимая рациональность государственного администрирования плохо вязалась с образом королей-чудотворцев. Возникал неизбежный разлад между мифологией власти и идеологией управления. Республика, подменив собой королевскую власть, его как будто бы снимала.

1. Бурдьё П. О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М., 2012. С. 104.
2. Там же. С. 106.

Правда, во что же должна воплощаться на практике республиканская идея, оставалось загадкой. Древнегреческий полис или древнеримские комиции — в обстоятельствах Нового времени не воспроизвести. Прямая демократия в условиях большого европейского государства в принципе невозможна. Какова же должна быть механика властвования и управления? Это будет президентская квазимонархия? Или диктатура, отстаивающая «общее благо»? Безраздельное господство клубов и кружков, имеющих смелость выступать от имени народа? Ребус, сочиненный в свое время Ж.-Ж. Руссо, не имел однозначного решения. Народный суверенитет, как и монархия, подразумевал миф, а не технологию власти. Это создавало напряжение в политической и правовой мысли XIX–XX вв. — в Европе в целом и в России в частности. Французская революция не ответила на загадку. Она скорее еще более озадачила современника. В конце XVIII — в начале XIX в. республика предстала в форме и якобинской диктатуры, и наполеоновской империи.

В конце XX в. республиканизм как особое политическое учение был вновь открыт гуманитариями¹. Видимо, сказалась усталость от слов, избыточность абстрактных понятий, раздутость идеологий, настойчивость их сторонников. Социализм, консерватизм, либерализм — между этими тремя соснами блуждали и продолжают блуждать общественные науки. При этом не всегда ясно, что имеется в виду под каждым из этих течений. Но даже тогда, когда дискуссий на этот счет нет, споры идут о другом: как уместить одного отдельно взятого человека в жесткие идеологические рамки. Чаще всего это не получается сделать: личные взгляды шире, сложнее, парадоксальнее любой самой хитроумной схемы.

Понятие «республиканизм», казалось бы, позволяло разнообразить интеллектуальный ассортимент. Возрожденное слово зывало не к абстрактным ценностям, а к практическому уму греков, гражданским добродетелям римлян

1. См.: Хархордин О. Республика. Полная версия. СПб., 2021. С. 159–199.

и почтительности к прошлому любознательных флорентийцев, которые спустя тысячелетие рассчитывали возродить почти забытые античные традиции¹. Политический идеал получал новое звучание. Он состоял в меньшей степени из абстрактных теорий и в большей — из исторических ассоциаций. Значение республиканизма не только в этом.

В современном понимании этого словосочетания политическая теория — явление сравнительно недавнее. Это не означает, что политика была безразлична человеку, жившему многие столетия назад. Так или иначе он должен был объяснить хотя бы себе, почему одни господствуют, а другие подчиняются. Это была проблема не научная, не теоретическая, а сугубо бытовая, а значит, жизненная и очень важная. Человек столетия назад был вынужден выстраивать отношения между различными центрами силы — без конституций, без лишних разговоров о государственном праве, без пространных ссылок на Аристотеля или Цицерона. Он творил практику, которую трудно описать языком современных теорий. Например, вечевая традиция Средневековой Руси подчеркивает тот факт, что властные отношения того периода были устроены не по позднейшим славянофильским схемам. Они не описываются в категориях государственного права Нового и Новейшего времени. Это ставит вопрос о политических формах эпохи, которые не сводятся к элементарной дихотомии монархия / республика.

Соответствующий понятийный аппарат будет русскими книжниками осваиваться позже. Это будет происходить почти синхронно (хотя, разумеется, по-своему) с тем, как аналогичные процессы разворачивались в Западной Европе. Разумеется, и тогда не будет речи о форме правления. Для XVI–XVII вв. концепт «республика» несет принципиально другое значение. Он позволяет осмыслить политический порядок как таковой.

В слове «республика» заключено воспоминание об утраченной теории, надежда на возможность ее воспроизведения. Само понятие подразумевает проекцию в будущее,

1. *Одье С. Теории республики.* СПб., 2021. С. 26.

которое оказалось настоящим в конце XVIII столетия. Тогда республика стала фазой эволюции государства. В России дело обстояло принципиально иначе. Государство старалось придать себе форму контрреспублики, республики наоборот: без нации, но с народностью; без конституции, но с самодержавием, которое зиждется на совести монарха; без революции, но с царем, способным осуществлять самые широкие реформы во благо наиболее нуждающихся. Республика была вызовом для русского интеллектуала. Она побуждала того дать свое понимание текущей политической организации и перспектив ее эволюции. В сущности, речь шла о переосмыслении государства, отказе от его нормативной интерпретации, характерной для правовой мысли XIX в.

Русская мысль практически во всех своих проявлениях (за редкими исключениями) была сугубо государственнической и ни в коей мере не республиканской. Такое положение явно расходилось с практикой. Государственничество исповедовалось теми, кто осуществлял или надеялся осуществлять власть в стране с дефицитом привычных государственных механизмов контроля и управления. Администрация в империи на протяжении всего XIX — начала XX в. была чрезвычайно разреженной. Правительство практически повсеместно сталкивалось с проблемой нехватки бюрократических кадров. Эта проблема разрешалась в России самым разным образом: ставкой на сословное самоуправление, на эластичность правовой системы, в конце концов, на спорадическое насилие. Сцепляющим элементом для крайне пестрой страны становилось самодержавие, которое представляло собой не столько политический институт, сколько идею власти. Это была предельная конкретизация государственнической идеи, которая обретала черты особого политического культа.

Представители самых разных (порой противоположных) взглядов доказывали исключительную значимость государственной власти в истории России. В рамках их представлений именно монархия создала расплывающуюся во все стороны страну. Соответственно, как должно

воспринималось и то, что Россия драматически централизованное государство, где все — идеи, деньги, люди, бумаги — стекаются не просто в один город, а буквально в одну точку.

Этот культ обрел законченные черты, когда у него появилось достаточное количество служителей — профессиональных бюрократов — и он был законодательно оформлен. Иными словами, речь идет о кодификации времен Николая I, когда политический «космос» Российской империи был описан языком нормативно-правовых актов. Это создавало иллюзию тотальности государства и рациональности его устройства. Практика же свидетельствовала о прямо противоположной ситуации. Империя была слабо описана: научных, статистических изысканий критически не хватало.

Императорская власть неуклонно утрачивала нити управления страной. Все сложнее было развернуть тяжеловесную бюрократическую машину. Ее внутренние законы становились определяющими при принятии законодательных решений. В этих обстоятельствах самодержавие царя — это скорее предмет веры, нежели политическая практика. Эту веру разделяли далеко не все. Сложно было не усомниться в ней, зная тайные пружины политической системы. Сам царь не был уверен в собственном самодержавии. Соответственно, политический спор строился вокруг ложного основания. Причем большинство участников политической дискуссии признавали самодержавие таким, каким оно было заявлено в официальных доктринальных документах.

Республиканская традиция была слабо представлена в русской общественной мысли, а контрреспубликанская — обильно. Ее сторонники предлагали свое понимание политических институтов. Народничество, славянофильство самых разных изводов — это был своего рода республиканизм, правда, без республики, а часто — без государства. Политические партии начала XX в. не распространялись на тему республиканской формы правления. Правые и октябристы ей, разумеется, не сочувствовали. Кадеты

старались быть прагматиками: до 1917 г. они не верили в возможность установления республики в ближайшем будущем. Как будто бы республиканцами были сторонники леворадикальных партий. Однако они в своих программах детально не прописывали, как видели будущее политическое устройство России. Слова о республике имели прежде всего ритуальный характер. Они должны были подчеркнуть коренное расхождение социалистических партий с их соседями справа — в лучшем случае боязливými, осторожными, умеренными. Когда в 1917 г. Россия все же стала республикой, политические силы самых разных направлений к этому оказались не готовы. Для них не было очевидным, на какую республику следовало рассчитывать. Республика, которая в итоге сложилась, таковой, в сущности, не была. Советский республиканизм в своем основании тоже имел умозрительную конструкцию — и не одну, а сразу несколько. Мечта о государстве-коммуне отсылала к радикальному республиканизму XIX в., однако не проясняла, как должен осуществляться правовой порядок в новых обстоятельствах. В итоге республиканская риторика камуфлировала стремительно складывавшееся сверхцентрализованное бюрократическое государство.

Эта книга о республиканской идее. В то же самое время эта книга о республиканской традиции. И, конечно, эта книга о слове «республика» и его бытовании в общественной мысли России и Западной Европы. В России было и слово, и идея, и традиции. Политическая жизнь страны была сложнее и многомернее, чем это порой кажется. Она не сводилась к вековечному самодержавию. Однако важнее, пожалуй, другое. Понятие «республика» позволяет разглядеть то, что обычно остается незамеченным: теории, концепции, дающие расширительное толкование власти и государства в России.

Эта власть *лишь* могла претендовать на тотальность. В разных частях страны она чувствовалась по-разному. В некоторых случаях не чувствовалась вовсе. Обычно эти обстоятельства игнорируются исследователями. Страна традиционно описывается из столицы. В свое время к этому

занятию был приставлен чиновник, в отчете которого не было явных противоречий. Он описывал единую правовую, социальную, политическую систему, которой не было на практике, а зато было великое множество плохо сопрягающихся элементов. Чиновника сменил историк, который сдул пыль с отчета многолетней давности и стал его аккуратно переписывать, снабжая одобрительными комментариями. Однако были и другие тексты, в которых ставились под сомнение отвлеченные юридические конструкции, где делалась попытка по-новому осмыслить властные отношения в огромной империи, текущие и будущие. Как охарактеризовать это хаотическое единство? И в броуновском движении есть своя логика и порядок. Их только важно осознать и описать. Даже только постановка такой проблемы позволяет разглядеть нечто важное в российской истории.